

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И НОМИНАЦИИ

И. С. Балабанович (Минск)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИРИКИ А. КУШНЕРА СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

В поэтических текстах А. Кушнера широко используются разного рода литературные переключки, феномен которых может быть исследован с позиций теории интертекстуальности, активно разрабатываемой в настоящее время как в литературоведении, так и в лингвистике.

До сих пор остается открытым вопрос об объеме и глубине понятия «интертекстуальность». Исследователи пишут о девальвации данного термина, о том, что выяснение статуса интертекстуальности актуально для исследования текстуальности в целом. В связи с этим противопоставляются две модели интертекстуальности: широкая (радикальная) и более узкая (в иной терминологии – литературоведческая и лингвистическая). В соответствии с радикальной моделью, по В. Е. Чернявской, интертекстуальность рассматривается как «универсальное свойство текста вообще, т. е. предполагает понимание всякого текста как интертекста» [1, с. 180]. Широкой концепции интертекстуальности противопоставлена узкая, при которой задачи интертекстуальности сводятся к фактическому обозначению типа отношений, в которые один конкретный текст вступает с другим или другими. Так, в рамках узкой концепции В. Е. Чернявская трактует интертекстуальность как категорию текстовой открытости, выделяя несколько ее характеристик: «содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к иным конкретным текстовым системам и структурам»; «открытость [текста] читателю»; «тематическая и логическая открытость текстов одного автора друг другу»; «внутренняя содержательно-тематическая прогрессия отдельно взятого текста»; «типологическая открытость текстов одного жанра (типа, класса) друг другу»; «открытость (отдельного) типа текста более общим функционально-стилистическим и дискурсивным системам» [1, с. 188–193].

Формы проявления интертекстуальных отношений разнообразны, поэтому на сегодняшний день существуют несколько классификаций интертекстуальных элементов и межтекстовых связей. Наиболее полной и удобной для использования в работе с интертекстуальной организацией лирики А. Кушнера представляется классификация, разработанная Н. А. Фатеевой на основе классификаций П. Торопа и Ж. Жетта [2, с. 120–159], в которой разграничиваются 1) собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте», 2) паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию, 3) метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на претекст, 4) гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого, 5) архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов, а также 6) иные модели и случаи интертекстуальности.

В критических и литературоведческих работах интертекстуальность лирики А. Кушнера не была исследована комплексно и всесторонне: существует ряд достаточно разрозненных работ, обращенных к разным сторонам литературной переклички в творчестве поэта (изучались особенности работы поэта с определенными категориями претекстов, влияние отдельных поэтов-предшественников на его художественный мир, функционирование в стихах А. Кушнера отдельных типов интертекстуальных включений и т. д.), однако наблюдения исследователей в этой области систематизированы не были. В связи с этим нами предпринята попытка рассмотрения организации интертекстуальных связей лирики А. Кушнера как идиостилевой черты, формирующей идейно-образное содержание его произведений.

Творчество А. Кушнера может быть разделено на 3 этапа (с учетом критерия взаимосвязи его лирики с социо-историко-культурной ситуацией в стране): советский (1960-е – 1-ая половина 1980-х гг.); постсоветский – перестроечный и постперестроечный (2-я половина 1980-х – 1990-е гг.); современный (творчество в новом веке, начиная с 2000-х гг.). Проследим динамику организации интертекстуальных связей лирики А. Кушнера на материале стихотворений двух периодов: советского и постсоветского.

В стихотворениях сборника «Таврический сад» [3], репрезентирующего советский период творчества, А. Кушнер осуществляет апелляцию к многочисленным историческим фактам, мифологическим сюжетам и, разумеется, текстам литературы. Среди авторов, с которыми

А. Кушнер ведет «переключку», можно выделить представителей античной литературы (Еврипид, Гомер, Тацит, Плавт, Ювенал, Авзоний), русских литераторов XIX в. (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов, К. Батюшков, И. Крылов, И. Анненский), XX в. (О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак, Ф. Сологуб) и зарубежных авторов (Дж. Байрон, М. Пруст, В. Скотт).

Собственно интертекстуальные отношения устанавливаются в основном за счет приема цитирования. В большинстве случаев А. Кушнер цитаты не атрибутирует, причем наличие «чужого слова» может маркироваться или не маркироваться кавычками. Цитаты с точным воспроизведением образца могут обладать текстообразующим статусом. В ряде случаев А. Кушнер использует атрибутированные цитаты. При этом чаще всего указывается имя персонажа, произносящего те или иные слова, а уже имя персонажа, будучи, по Ю. Н. Караулову, символом прецедентного текста, должно актуализировать в сознании читателя соответствующий текст и связанные с ним коннотации.

Еще один способ осуществления собственно интертекстуальных отношений – введение в текст аллюзий. У А. Кушнера в качестве аллюзий часто выступают имена литературных героев.

В поэтическом сборнике А. Кушнера «Живая изгородь» [4], изданном в 1988 г. и репрезентирующем перестроечный-постперестроечный период творчества, в полной мере отразились настроения «инакомыслящего интеллигента в условиях духовного раскрепощения, начавшихся в обществе преобразований» [5, с. 130] в период гласности. Эти перемены вызвали и изменение мироощущения поэта, что отражает сама «тональность произведений, доминирующая в них приподнятая, жизнелюбивая интонация» [5, с. 130].

В сборнике «Живая изгородь» направленность произведений, вовлекаемых поэтом в переключку, в целом не изменяется: это тексты античных авторов (Эсхил, Гораций, Катулл, Плиний Младший), классиков зарубежной литературы (В. Шекспир, Данте Алигьери, немецкий философ И. Кант), классиков русской литературы XVIII–XIX вв. (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров), представителей Серебряного века (А. Ахматова, И. Анненский, М. Кузмин), русских литераторов XX в. (Б. Пастернак, А. Володин, В. Набоков, Ю. Трифонов). Частотны обращения к творчеству А. С. Пушкина (в советский период А. С. Пушкин также был

самым цитируемым в стихах А. Кушнера автором), О. Мандельштама, Ф. И. Тютчева, И. Анненского, А. Ахматовой, Л. Н. Толстого, а также к Библии.

Собственно интертекстуальные связи устанавливаются за счет цитат и аллюзий, причем в количественном отношении заметно преобладание последних. Точных цитат, характеризующихся тождественным воспроизведением образца, в «Живой изгороди» сравнительно немного. Таким способом А. Кушнер в основном вводит «чужое слово», взятое из наиболее авторитетных источников: произведений А. С. Пушкина и Библии.

Более частотны цитаты с нетождественным воспроизведением образца, которые у А. Кушнера могут быть как атрибутированными, так и неатрибутированными. Такие цитаты могут выполнять текстообразующую функцию.

Количественно в сборнике «Живая изгородь» аллюзии преобладают над цитатами.

Отличительной чертой сборника «Живая изгородь» (в сравнении с «Таврическим садом») является интерес к деталям биографии авторов, вовлекаемых в переключку. Интересно, что чаще всего А. Кушнер использует реминисценции не в чистом виде, но в совокупности с иными приемами создания интертекстуальности (в частности, с аллюзиями). Автор претекста интересует его как человек, имевший свою судьбу. Этим вызвано обращение к произведениям, носящим автобиографический характер.

Частотны в сборнике перестроечного-постперестроечного периода и аллюзии, отсылающие к конкретным произведениям, не связанные с подробностями биографий авторов-предшественников. Такие аллюзии могут быть атрибутированными, маркированными, но могут вводиться в тексты стихотворений совершенно незаметно, органично вписываясь в канву того или иного произведения. В таком случае читатель должен сам идентифицировать претекст, почувствовать отсылку к нему. Как правило, таким образом осуществляется переключка с наиболее известными текстами, которые можно отнести к разряду прецедентных.

В стихотворениях сборника «Живая изгородь» несколько чаще, чем в стихотворениях, вошедших в сборник «Таврический сад», А. Кушнер реализует метатекстуальные связи. В подавляющем большинстве случаев он создает конструкции «текст о тексте», предпола-

гающие метатекстуальное комментирование претекста. Как правило, обращение к претекстам и их осмысление в рамках нового художественного целого ведет к генерации новых смыслов. В ряде случаев текст, вовлекаемый в переключку, может быть по-новому прочитан сквозь призму этих смыслов, но чаще такого «возвращения» читательского внимания не происходит: на основе «чужих» текстов, используемых как материал для анализа, делаются определенные выводы, которые интересны сами по себе как репрезентанты авторского мировидения, нравственно-эстетической позиции поэта.

Метатекстуальный комментарий у А. Кушнера может относиться не только к содержанию, но и к формальной организации претекстов.

В целом наблюдается увеличение количества интертекстуальных включений при переходе от советского к перестроечному-постперестроечному периоду: если в сборнике «Таврический сад» в 29 % стихотворений были отмечены литературные переключки, то в сборнике «Живая изгородь» доля интертекстуально маркированных текстов значительно возрастает (48 %). Круг авторов, вовлекаемых А. Кушнером в переключку, почти не подвергается изменению: в перестроечный и постперестроечный период поэзия А. Кушнера не утратила связь с русской классикой XIX и XX вв., свойственную стихам советского периода. Неизменным остался и интерес к античным авторам, а также наиболее авторитетным зарубежным (переключка с которыми ведется не так активно, как с русскими, на протяжении обоих периодов). По-прежнему интертекстуальные элементы выполняют в стихотворениях конструктивную функцию, органично включаясь в канву кушнеровских стихотворений. Наблюдается тенденция к некоторому усилению коммуникативности и рефлексивности интертекстуальных единиц.

1. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

2. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007.

3. Кушнер, А. С. Таврический сад: Стихи / А. С. Кушнер. – Л.: Сов. писатель, 1984.

4. Кушнер, А. С. Живая изгородь: Книга стихов / А. С. Кушнер. – Л.: Сов. писатель, 1988.

5. Скоропанова, И. С. Поэзия в годы гласности: пособие для учителя / И. С. Скоропанова. – Минск: Народная асвета, 1993.